

Сквозь зарешечённое окно лились потоки солнечного света. «...И наречётся Мариамной она...» — провозгласил священник. В прохладном сумраке церкви расцветали алые огоньки тонких свечей с радужными нимбами. И вот огоньки уже словно плывут по вечерней реке, подобно девичьим венкам из жарков, уплывают всё дальше и дальше...

«Ой, — встрепенулась мать Варвара, — никак сморило. Эк, ведро на улице, так и играет! Хоть бы и жизнь выдалась ясная моей девоньке, хоть бы всё ладно было...»

— Н-но, пошёл, трогай! — натянул вожжи отец, когда все уселись в телегу.

— Слава те, Господи! — торопливо перекрестилась мать на церковь. — Ты только глянь, крёстна, — купола так и блещут, с крестами, как положено, а в сёлах-то, говорят, всё посдирали. Никак в толк не возьму, если они шибко грамотные, то почто им красота глаз режет? Хошь веруй, хошь не веруй, а безобразничать-то зачем?

— За дитём больше приглядывай, мать, — оборвал отец, — не на печи, поди!

— Ох, крутенёк... — тихонько отозвалась она, и каждый погрузился в свои думы.

Радуюсь короткой передышке от нескончаемых деревенских хлопот, они с удовольствием вглядывались в раздольные луга, холмы и весёлые перелески душистой дороги. Но в грудь уже закрадывалось приятное волнение при мысли о скорой встрече с желанным домом на своей кровной стороне. Да и сельчане встречали их так, словно они уехали не день назад, а невесть когда.

— Имечко-то како дали? — обступили соседи остановившуюся подводку.

— Да известно, по святцам, Мариамной, ли чё ли, — приветливо заулыбалась мать.

— По-русски Марьяной, значит, — уточнил отец.

— Маряшкой, стало быть, — закивали соседи, — ну, в добрый час, в добрый час...

— Все в дом, гулять будем! — гаркнул отец.

— А как же, гостюшки, полагается. — Засуетилась хозяйка. Люди гужом повалили в дом.

II

Как нередко случалось в деревне, семья, а то и род назывались не по фамилии, а по отчеству отца. Так семья Ивана Макарова звалась Макаровской. Из шести детей — пять дочерей-погодков и только один сын. Когда отец бывал не в духе, он исподлобья огядывал свой присмиривший девичник, потом обращался к жене:

— Ну, Варвара, твоё счастье, что хоть один парень вылупился! — девочки привычно опускали виноватые глаза, а мать делала робкую попытку свести всё к шутке.

— Дак я чё, я ничё...

— Она ничё, видали её, а девки-то чьи же?

— Дак наши, Макарыч...

— Наши... — ворчливо передразнивал он и снова поворачивался к дочерям. — Пошто дерётесь промеж себя хуже парней, ежели вы девки? По всей улице вас слышно, страмовки вы этакие!

— Не я, тятя, не я первая начинаю... — вразной оправдывались те.

— Молчать! — рявкал отец, стукнув кулаком об стол. — Все хлещетесь, окромя Маряшки!

Недовольно покосившись на сестру, девочки потихоньку выбирались из-за стола и с особым рвением набрасывались на работу, краешком глаза наблюдая за отцом. А тот с шумом отодвигал лавку и выходил во двор, к любимым лошадям, лучше которых не видывали в селе, — он знал в них толк. Мать с дочками весело переглядывались, облегчённо переводя дух: гроза миновала, после «разговора» с лошадьми отец возвращался умиротворённым. Была в этом чернявом коренастом человеке недоужинная сила — не раз он на спор подымал коня! Никто не решался ему перечить, зная его пороховой нрав, а во хмелю он и вовсе был опасен. Жена ладила с ним, благодаря своему кроткому характеру.

Иной раз бабы останавливали её в улице и нашёптывали, опасливо косясь по сторонам.

— Как ты терпишь, Варвара, или не знаешь ещё, что твой ночевал...

— У Акульки, — вставляла та.

— Откуда узнала?

— А от него же и знаю. У нас завсегда так: сначала предупредит, к которой пойдёт и когда возвратится, — посмеивалась Варвара.

— Бабоньки, чего вы расшумелись? Он как пойдёт блудить, так я только рада, — ну, думаю, хоть отдохну нонче, да выплюсь, работы-то сами знаете, невпроворот! А он с того не убудет, надоест ещё.

— Ну, бабы, с таким характером до ста лет дожить можно! — говорили советчицы, обалдело глядя ей вслед.

А Варвара тем временем заходила во двор и, опустив таз с выполосканным в реке бельём, так обращалась к мужу:

— Ну что, Макарыч, Акулька здорова? Всё забываю привет ей передать...

— Ох уж эти бабы! — вскакивал тот. — Доберусь я до них и все их длинные языки на свой кулак перемотаю, чтоб не ввали тебе почём зря! Не слушай ты их, Варварушка, не верь, завидуют они нам!..

— А я их ещё и не слышала.

— Как, а откуда же ты...

— А ты сам мне ночью всё рассказал: ты мне во сне на все вопросы отвечаешь, да так толково...

— У-у! — мычал тот, обхватив голову руками.

— Не мычал бы ты, чай не корова, — на свой лад утешала жена, — сходил и ладно, вишь, какой покладистый стал — знать, полегчало? Вот и славно.

Скрежеща зубами, он хватался за работу. А Варвара спокойно продолжала развешивать бельё, но кто знал, чего ей стоит это спокойствие?..

И драчливые дочки, все как одна красавицы, не подозревали, что за ясной улыбкой их матери скрывалась далеко не безоблачная жизнь. На тот случай, если девочки слишком уж раздурятся, она знала испытанное средство.

— Девки, — как бы мимоходом говорила она, — скоро отец будет, а у нас ещё ни у шубы рукав: ись-то чё будет? Да и на пол глаза б не глядели. Вот он расшумится...

Дочки сначала застывали на месте, испуганно округлив глаза, потом каждая налетала на своё дело, и к приходу отца всё было в порядке.

Ранними зимними вечерами сестрицы порой собирались в кружок и нащёлкивали матери полную миску кедровых орехов.

— Ой, да куда же мне столько! — радостно всплёскивала она руками.

— Тебе, тебе, мамынька! — довольно приговаривали те.

— У, подлизухи! — презрительно отворачивался братец Андрей.

— Знать, опять где-то напроказили, — сплёвывал шелуху отец, — а за просто так не будут, я их знаю... А Маряшка где, снова с соседским, с Лекандровским?

— С Ваньшей, с ним, — кивнула мать, — славный парнишонка, только на год и постарше: нашей — 5, а тому — 6 годочков... избы рядом, опять же, не ссорятся.

— Так-то оно так, да не совсем так. Они же подрастать будут, а привычка останется. Что ей, подружек мало, что они такие неразлучные?

— Дак ведь дети ещё...

— То-то и оно, что ещё...

— Глянешь на них — сердце радуется! — продолжала мать. — За ручонки возьмутся и бегают, и смеются, а то лопочут об чём-то...

— Маруська! — гаркнул отец. — Марш за Маряшкой!

— Я живо, тятя! — сорвалась та, на ходу накидывая платок.

Сёстры Надя и Лиза остались ёрзать на лавке под пытливым взглядом отца.

III

Семья Лекандровских тоже была многолюдной: в ней росло восемь детей, что по тем временам считалось обычным явлением. Ванина мать, Мария Зиновеевна, была иного склада. От неё, набожной и суровой, не много было привету, хотя и польза немалая. Отец же, Степан Лекандрович, не уступал Маряшкиному в крутости характера и силы. Только он был столь же белобрыс, сколько тот чёрен. Лекандрыч слыл опытным охотником. Зимой Зиновеевна настряпывала и намораживала ему мешок пельменей, он запрягал коня и отправлялся на промысел в тайгу: за 30-40 вёрст в сторону Байкала. Немало на его счету было завидных трофеев — побеждённых медведей, так и пристало к нему прозвище медвежатника.

Но последний, «сороковой» медведь дорого обошёлся кряжистому сибиряку. Минул назначенный срок, но Лекандрыч всё не возвращался. Зиновеевна все окна проглядела, не находя себе места от тоски. Как-то ночью, опустившись на колени перед образом, она не смогла начать молитву, взглядом приковавшись к лампадному огоньку: «Что случилось, ведь всегда возвращался в срок?.. Пусть к другим строг, но и себе поблажки не давал: не пустобрёх, не гулящий... Или со зверем разминулся на одной тропе? Беду сердце чует...»

Ване тоже не спалось. Глотнув холодной воды, он поставил ковш на место и сказал матери своё решение.

— Мама, мне уже семнадцать, тятя брал меня с собой в тайгу, я смогу найти его зимовье. Дольше ждать нельзя.

— ...Поезжай, Иван, — не сразу, но твёрдо ответила мать.

...В хрустальной тишине зимнего леса гулко колотилось Ванино сердце: вот и землянка, но следы отца замело. Не помня себя, он рванулся туда, но ослеп, окунувшись во мрак после резкого света...

...Мать, в чём была, выбежала в улицу встречать подводу, но едва взглянув в лицо лежащего мужа, повалилась навзничь. Когда отец пришёл в себя, он смог рассказать, что с ним произошло: матёрый медведь вышиб из его рук ружьё и, не вынося человеческого взгляда, наложил лапу на лицо охотника, пытаясь содрать скальп. Лекандрыч успел всадить нож и добить зверя, но сам был в тяжелейшем состоянии. Он сразу сдал и одряхлел, из порванной щеки до конца сочилась слюна. Это была не первая рукопашная схватка с медведем, но последняя. Отец знал, что это когда-нибудь должно было произойти, но надеялся, что попозже. Он угадал, кручинясь, что его страсть к охоте не продолжится в Иване, как ни старался он его к ней приобщить.

— Что-то, мать, не пойму я, в кого он и уродился, — жаловался он жене, — чернявый, да и нутром не в нас: всё ему гармошка на уме, шутки-прибаутки. На охоту его брал, так ему, вишь, стрелять жалко! Что за мужик тогда из него выйдет?..

— И хорошо, что жалко, — вступилась она, — если бы все мужики жалели убивать хотя бы людей, то и войн бы не было! С десяток годов прошло после Гражданской, не больше. И что любую живность зазря не тронет — тоже правильно: ведь есть же домашняя скотина на убой, купил ты её, вырастил, ну, и самим чем-то кормиться надо, тут я понимаю. А вот охотников не одобряю, ты не серчай, Лекандрыч, но не случилось бы этакое с тобой, если б не охота треклятая. Лесной зверь для жизни рождён, он её и защищает, чем может. Человеку же он не вредит, жить не мешает, так зачем человек идёт по его душу? Ладно, если из-за голодовки, а так, ради потехи-забавы стрельнуть птицу с лёту или ободрать чью-то шкуру... — стыдно это, нехорошо.

— Что-то я тебя не пойму, мать, — насупился отец, — ты куды это клонишь: я что же, по-твоему, всю жизнь стыдным делом занимался?!

— Я этого не сказала, — спохватилась Зиновеевна, — лучше давай подумаем, чем Ивану заняться, чтоб в люди ему выйти, дураком-то он, отец, у нас не был.

— Это что и говорить, — примирительно ответил тот, — как придёт от Маряшки, припрём к стенке и баста — пусть решает!

IV

А Ваня, вызнав, что отца Маряши нет дома, прихватил гармошку и, весело тряхнув чубатой головой, запел свою любимую песню.

*Под окном черёмуха колышется,
Распуская лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится
И поют всю ночь соловьи...*

— Марьяшка, — посмеивалась мать, — твоя «черёмушка» снова под окошком выросла. Сколь можно прихорашиваться, парень заждался!

— Бегу, мамуля! — Девушка бегом спустилась с крыльца, но у калитки невольно замедлила шаги. Марьяна впервые была влюблена и волновалась перед каждым свиданием, зоревая краска разливалась по округлым щекам, а губы сами шептали заветные слова, которые она стеснялась произнести при нём: «Ванечка, любимый...». С сияющими глазами она выходила к нему навстречу, не зная, что вся её ясная, незамутнённая душа плещется в них, как на ладони, выплёскивая наружу сокровенные слова. Взявшись за руки, они бродили по берегу Иркуты, провожая за гору закатное солнце.

— Марьяша, а тебе хотелось уехать отсюда, свет повидать? — вдруг спросил Ваня.

— Что ты? — удивилась девушка, — по мне так лучше наших Баклашей и быть не может!.. Знаешь, если бы мне предложили прожить три жизни, я бы их все здесь прожила, а ты?

— Я тоже... А если бы тебе предложили в этих трёх жизнях каждый раз нового друга выбирать, то...

— Я бы выбирала только тебя! — быстро проговорила Марьяна и смущённо отвернулась.

Парень остановился, потом догнал её, решив объясниться:

— Марьяшечка, постой, люблю я тебя!

— Я тоже...

— Да?! Значит, всё решено, мы женимся? И всегда будем вместе — неразлучно! — Ваня схватил девичьи ладошки и спрятал в них счастливое лицо.

— Ванечка, я не знаю, когда это будет с тобой, — тятя хочет отдать меня за другого...

— Как за другого? А как же я?

— Отец привык всё делать по-своему, сваты на днях будут, он уже упрёдил.

— Так... Их я укараулю, а ты сбежишь со мной?

— Боязно тяти, конечно, но как-нибудь. Только как жить будем без отцовского благословенья? — взгрустнула девушка.

— Разве нас уже не благословил Бог любовью? — возразил Ваня. — Разве не мы должны любовь сберечь?

— Всё так, но и родительское благословение необходимо. Да ты не печалься, я не струшу...

Взбежав на крыльцо, Марьяна столкнулась с матерью.

— Мамуся, что я тебе скажу! — взбудораженно зашептала она. — Мы с Ваней решили пожениться, он мне поможет сбежать из дома, ну, насовсем, когда сваты заявятся! Ты же меня не выдашь, благословишь?

— Ах, батюшки-светы, да рази я враг тебе, не понимаю? Так и так пора, семнадцать сровнялось. Да как отца-то провести?.. — переполошилась мать Варвара.

В назначенный день явились сваты. Варвара, как могла, пыталась скрыть волнение, и всё же выронила миску из рук. Глянув в её растерянное лицо, отец усмехнулся: «Привыкай, мать, ещё хоровод девок придётся замуж отдать!».

Тем временем Марьяна выпрыгнула через окошко в Ванины руки.

— Да хоть бы всё ладно было! — перекрестила мать их вслед.

V

Кому на радость, кому на зависть, а только семейная жизнь молодых и впрямь заладилась. Иван не оставил гармонь, но и работником стал хоть куда: выучился на комбайнера и механика МТС. Жену называл не иначе, как «Марьяшечка», голоса на неё не повысил, да и не за что было, — оба жили друг для друга; сами были счастливы и — другим хотели того же, а потому люди тянулись на свет и тепло их души. Макарыч только гнев на сердце держал...

— Марьяшка, ужаси-то какие! Тятя надсадился: снова на спор коня поднял, а годы-то уже не те! — с такой вестью однажды вбежала её сестра Надежда.

Передав малышку на руки свекрови, Марьяна опрометью бросилась из дома. Распахнув родительскую дверь, она окунулась в щемящие запахи отчего дома, забываемые, но уже далёкие.

В то же мгновение её отрезвил голос матери, надрывно стонущей над телом отца. С подламывающимися коленями дочь вошла в горницу... Так Марьяна с Иваном остались без отцов. «Обоих нрав сгубил — допрежь сроку сгорели», — говорили люди, но запомнили богатырей крепко.

...Галинка была единственной дочкой, остальные пошли мальчишки, но и она однажды не проснулась. Горевали об этом молодые родители, сильно хотелось им девочку. Вторым был Серёжа, но и его унесла скарлатина, выкосившая немало ребятшек. За него Марьяна казнила себя всю жизнь. Тогда она в первый и последний раз восстала против свекрови.

— Зачем я вас послушалась, что не увезла Серёжу в город, в больницу, зачем?! — кричала она в её прямую спину, захлёбываясь от слёз. — Вон Ленку Михину, однолетку, вылечили же там, живая осталась, а наш-то, наш!.. Белобородовы же не забоялись!

Скорбно сжав губы, свекровь молча глядела в окно на зеленеющий луг, по которому уже никогда не пробежаться её внучонку. Прежде она считала, что нельзя перечить судьбе, но после того, как племянницу привезли домой живой, а не «заколотой», — поколебалось её убеждение в своей правоте.

Рожала Марьяна тяжелее других: «Ведь ядрёная же баба, да и на ферме за двоих ворочает, не охнет, — судачили соседки, — а роды тяжельше некуда!»

Но она быстро поправлялась, возвращаясь к жизни. Уцелело три сына: Володя, Юрча и Олег — и жизнь пошла своим чередом. Иван был весёлым человеком,

но в рюмку за спиной жены не заглядывал. Лишь однажды завернул на другой конец деревни, к свояку, и здорово захмелел.

— Слышь, Миха, поделись одной дочкой, у тебя же их три? — попросил Иван. — У вас вон сколько ртов, самим легче будет, в одной же деревне, не увозом. Удочерить мы Ленку хотим, что скажешь?

— Нет, это ты зря, сколько ни есть ртов, а все наши. Не сердчай, брат. А ловко мы с тобой в лопухах укрылись? — подмигнул свояк, наполняя следующую кружку.

Возвращался Иван поздней ночью, громко и радостно распевая: «За окном черёмуха колышется!..» Разбуженные сельчане улыбались: «Никак Иван Соколов? Ну, счас Зиновеевна ему такую черёмуху выдаст, ай да ну!»

— Марьяшечка, встречай свою сокола! Можно сказать, летел к тебе на крыльях любви! — забалагурил он, с шумом распахнув дверь.

— А, вернулся, «сокол», ну я из тебя перья-то повыпущу! — Зиновеевна замахнулась на сына ремнём.

— Не надо, мама! — возопила Марьяна. — Не трожьте его ради первого раза, он больше не будет!

— Не лезь под руку, а то и тебе достанется! — гневно сказала свекровь и для остротки всё-таки стеганула сына пониже спины.

— Ну, погоди до утра! — погрозила она пальцем. — Я из тебя вышибу охоту к зелью поганому. А тебе, дева, так скажу, — развернулась она к невестке, — мужика надо сразу брать в железные шоры, а ты всё «Ванечка» да «Ванечка».

Получив с утра от матери крепкий нагоняй, Иван вышел в огород охолонуться. Стоял босиком на росистой земле, хотелось заглядить вину перед домашними. Зайдя в избу, задержал взгляд на жене, не уставая любоваться ею, не привыкая к её незатейливому, но притягательному чистому облику: ровный пробор темно-русых волос, открытые, добрые глаза, прямой смягченный нос, улыбочивые губы. Телом она была деревенской крепко сбитой стати, а вот лицо её часто напоминало Ивану лик одной из родовых икон, что виднелись в их кухне в верхнем правом углу, окруженные дымчатой вербой.

Марьяна мыла посуду, с трудом сдерживая улыбку, зная, как неловко сейчас провинившемуся мужу.

— Марьяшечка, — тронул он её за плечо, — я что думаю, не съездить ли нам в город? Гостинцев бы всем накупили, тебе добрый наряд справили... Давай возьмём все деньги с кубышки и пустим их по ветру! А чего — неровен час, заплесневеют!

Марьяна чмокнула его в щёку и поспешила в казёнку переодеться.

— Я с дитяи нынче не останусь, так и знайте! Проучить вас надо маненько, — заявила свекровь и в кои-то веки пошла по гостям.

Молодые растерянно опустили на лавку

— А можно я с ребятами останусь? — попросила Ленка, оставив игру.

— А мы тебе гостинчик привезём! — разом вскочили молодые. — Чего бы тебе хотелось?

— Пряников, розовых, чтоб молочком припивать! — с готовностью ответила племянница.

...Вернулись они радостно усталые. Дверь оказалась запертой изнутри, но сколько они не стучали, никто не открывал. Тогда перепуганный Иван выставил окно и вбежал к детям: вволю надуревшись, они просто крепко заснули. Зато сколько было радости, когда ребяташки проснулись в окружении подарков!

— Марьяшечка, — позвал Иван, — прикинь обнови, не терпится!

Оставив детей, она занялась нарядами.

— Дядь Вань, — обратилась Лена, насытившись пряниками, — а у Вовочки есть больша-а-ая родинка! Знаете, где? — Она смущённо, но хитровато хихикнула, шлёпнув мальчика по мягкому месту. — Баба говорит, что это счастливая примета, значит, он будет счастливый?

— Эх, Лена! — засмеялся Иван, — ну, кто такая родинка, чтобы от неё зависело наше счастье?

В шумную горницу вошла Марьяна, сконфуженно улыбаясь, в непривычной одежде.

— Вот это да! — воскликнула Ленка, открыв рот.

— До чего же ты!.. — оборвал себя Иван, не найдя нужного слова.

А Марьяна и впрямь была хороша: с головы на зелёную плиссированную юбку спадала золотистая тончайшая шаль, трепеща нежным кистями.

— Ты сейчас похожа на дерево, — наконец заговорил Иван, — да, на ольху, когда она вся в серёжках...

— ...Правда? А ты в любом виде похож только на самого себя, — нежно ответила жена, — и хорошо.

Но носить такую красоту Марьяна не решилась: «Что ты, Ваня, люди засмеют, скажут, выпендрилась, как городская. Так, сохраню на память... об ольхе», — поясnila она, глубоко в комод запрятав наряд, лишь изредка на него любуясь.

...Иван первым в Баклашах приобрёл голубой мотоцикл «Москва». Дети только уселись за обеденный стол, как в сенях что-то диковато и радостно для мальчишьего уха зарокотало! Побросав ложки, они высыпали в сени и застыли от восхищения.

— Папаня, он что, будет наш? — выдохнул старший.

— Приручим! — широко улыбнулся отец, довольный произведённым впечатлением.

— Это же надо додуматься, тако пугало вонючее в избу вкатить! — возмутилась Зиновеевна.

— Ну, мама, он же такой... голубенький, пусть их, забавятся? — растроганно вступилась Марьяна.

— Два сапога пара! — заключила свекровь, в сердцах хлопнув дверью.

Иванов мотоцикл вызвал бурю чувств у сельских мальчишек. По соседству жила семья директора школы Филиппа Яковлевича Бехтерева. Его сыну, пятикласснику Вадимке, тоже не терпелось покататься. Как-то он встретился на улице, держа под мышкой библиотечные книги.

— Здравсьте, дядя Ваня! — шмыгнул он конопатым носом.

— Здорово, Вадимка! — приветливо ответил тот и спросил: — вот ты, я замечаю, много книжек читаешь, — интересно, что ли?

— Интересно!

— Скажи, какая штука. А вот, к примеру, в этой книжке про что написано, можешь рассказать, всё понял?

Мальчонка с азартом пересказал прочитанное.

— А ведь и впрямь интересно!.. — задумался Иван.

— Дядь Вань! Покатайте меня на мотоцикле, пожалуйста! — выпалил Вадимка.

— А что, дело! — оживился тот, — сейчас же и покатаю, а чего нам?

— Вот здорово! — просиял парнишка, но тут же сник, завидя его товарищей по работе.

— Пошли, Иван, дело есть, — потянули они его за собой.

— Не могу, — высвободился он, и в глазах его заплясали весёлые огоньки, — я человеку слово дал.

— Какому человеку?

— А это кто, — кивнул на мальчика, — чем не человек?

— Чудишь ты, Ваня, ну, мы тебя на месте подождём, — пожали мужики плечами и двинулись дальше.

А Иван озорно подмигнул воспрянувшему Вадимке, и вскоре пыль за ними закружилась столбом.

VI

Ледяное дыхание войны проникло сквозь многие стены, но избу Ивана обошло стороной: в армию его не взяли, оставив держать трудовой фронт. До той поры Марьяна не знала на себе завистливых косых женских взглядов, не слышала едких слов, но сдерживалась, понимая и оправдывая их. Иван работал почти круглосуточно, а в страду и вовсе не появлялся домой, одни мослы остались, а гармонь и вовсе ушла на чердак «до лучших времён»... Ивану и до войны случилось ночевать вне дома, но тогда он уходил спать к своему юному штурвальному Ване Миронову — родственнику жены из села Олха. И не потому, что в себе был не уверен, а для того лишь, чтоб недобрый язык не смог его оговорить, смутить покой Марьяны. Да и молодые бабёнки, поварихи, ночующие с ними в поле, не отличались скромным поведением. А в военную пору иные из них и вовсе теряли стыд в редкий час передышки. Зло и жалобно они глядели в его лицо, преграждая дорогу к штурвальному. Не утерпел Иван и осадил их.

— Что ж вы, бабы, одни, что ли, без мужиков остались? Время такое. Я ведь свою жену тоже не вижу, но не бросаюсь же на вас!..

— Это тебя Зиновеевна так в своей вере выучила? — кусая губы, съехидничала одна.

— Моя вера — совесть, другой пока не знаю. Но мать мою вы не трожьте: она и со своей верой достойнее, чем вы — безо всякой.

— Повезло же Маряхе! — с горькой завистью сказала другая, когда Иван исчез из виду.

— Да... — поддержали остальные, — кому всё, а кому и ничё...

Но для всех пришёл весенний день, когда солнце сливалось с грибным дождём, а смех с плачем. Тот священный день торжества надежды и добра над злом! В войну бедовали сообща, но и счастье Победы не пировали в одиночку. Люди обнимались и снова бежали из праздничных изб под ликующий свет неба. Спешили к большой поляне в центре села, где раскинулась вековая лиственница, захватив из дома, помимо снеди и спиртного, горшки с алыми геранями.

Но не все бабы ликовали; мало пришло счастливец-мужиков хотя и с хищными отметинами войны: по лицу одного война провела когтем осколка, у другого отгрызла руку, а скольких погребла в землю или разорвала на куски...

В тот день Иван достал с чердака гармонь, — стирая с неё пыль, он беззвучно заплакал. Потом надел чистую белую рубаху, и Марьяна вдруг заметила, как постарел её любимый, хотя лишь за тридцать перевалило...

— Садись, свояк, — подвинулся Миха Белобородов, демобилизовавшийся по ранению, — грянь нашу «черемуху», пусть снова цветёт! — И песня расправила крылья:

*Пусть у нас черёмуха колышется,
Распуская лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится
И поют всю ночь соловьи...*

VII

Шёл 1948 год, когда Вадим, свернув на улицу Соколовщину, услышал страшный женский крик, ломающийся и снова накатывающий чёрной волной; доносился и тревожный гул других голосов, хлопали соседские калитки. Подойдя ближе, он понял, что бегут к дому Марьяны, — это был её крик, крик подстреленной на лету птицы. Паренёк бросился к побледневшей матери Анне Петровне, пришедшей оттуда.

— Что случилось?!

— Ивана... смертельно ранили в голову...

— Как... ранили, войны же нет?!

— Войны-то нет, да сволочи на земле ещё не скоро переведутся!

Мать перевела дух, прислоняясь к воротам:

— Иван нес в соседнее село деньги, большие деньги... Нашлись негодяи, решили отнять. Подкараулили в лесу и пристали: морды завязали до глаз, чтоб не узнать. Сперва велели отдать, пригрозив оружием. Иван ни в какую, тогда они и...

Вадим до боли сжал кулаки, сглотнув накипевшие слёзы. Вопреки рассудку, он вдруг увидел себя с дядей Ваней на голубом мотоцикле, несущимся в солнечную круговерть... Но неожиданное воспоминание разлетелось на множество солнечных осколков, пробитое воплями Марьяны.

Ивана решили везти в иркутскую больницу. Придя в сознание, он еле слышно проговорил:

— Зря вы всё это затеяли, лишний бы час дома побыл, — и, обводя мающими глазами родные стены, попросил: — оставьте нас вдвоём... Марьяночка, ты не плачь, давай простимся счастливо, как жили, — зашептал Иван.

— Тебя вылечат, Ваня, родной ты мой!

— Давай простимся счастливо, как и жили. Мне умирать не страшно, только жалко, что рано... Сбереги сынов... Как я люблю тебя! Сулил тебе счастье на век, а сам... Горемычная ты моя...

— Ваня, не дети, так за тобой бы пошла!.. Ванечка, очнись!!! Не будет у меня другого счастья, кроме тебя, услышь!..

VIII

После похорон мужа Марьяне и всплакнуть-то было некогда и негде: вся на глазах, от зари до зари на ферме. Благо, Зиновеевна ещё держалась, приглядывала за внуками. Домой она приходила ночью, усталая вдребезги, а в три часа утра уже спешила на ферму. Выплакивалась Марьяна только... по праздникам. Поджав под себя ноги, она забивалась в угол кровати и, спрятавшись за занавеску, билась, билась в безысходных слезах.

— Марьяшка, ты что же, думаешь с тридцати лет одна куковать? — тормошили её сёстры, все давно замужние.

— Я не одна, — всхлипывала Марьяна, — у меня дети есть, мама, вы...

— Каку холеру говоришь! — сердились сестры, — не о том мы, сама знаешь, об чём. В одной улице все живём, а как застолье, тебя не докличешься. Год-то уже прошёл когда себе! У Марии на именинах не была, ко мне не пришла!

— Невмоготу мне идти без Ивана, поймите вы! Мы же с ним одно, без него я — полчеловека, не до веселья мне. К вам идти, пить надо, а ну, как захмелею да и помыслю чё... Нет, девки, пока не состарюсь, не зовите, — отрезала Марьяна.

— Ну и дура, зла на тебя не хватат! — горячились сёстры, но жалость к обездоленной сестре брала верх, и они уходили, приласкав её, втайне всё же сокрушаясь.

Свекровь Марьяна по-прежнему почитала и слегка побаивалась.

— Ты бы хоть молитву каку выучила, — порой ворчала Зиновеевна.

— Не идёт на язык мне молитва, ну, не умею я, да и дыхнуть некогда, — защищалась невестка, — разве что перекреститься на икону. Да мало того, что мы с ребяташками постимся по твоей указке?!

В первые годы вдовства пудовым камнем навалилось на Марьяну переживание за сыновей, что от темна до темна жили без материного призора.

— Ребята, — наказывала им, — от вашего деда-охотника осталось ружье, так вы перед сном выходите во двор и в воздух пуляйте!

— Вот здорово, а зачем?

— Пусть знают, что в доме есть мужик, на случай чего. Мало ли, кто забредёт в село? Тьфу-тьфу-тьфу!

— Мамка, — наперебой загалдели мальчишки, радуясь редкой возможности побыть с матерью, — бабка Зиновеевна с нами шибко сердитая!

— Слушайтесь, слушайтесь её, ребята, — грустно улыбнулась мать, — она для вашего же добра строгая. Она же папкина мама... Да и что бы я без неё с вами делала, вы подумали?.. То-то.

— Бабушка Варвара Петровна, ну, Петрушка котора, тоже нам добра хочет, а не сердитая же? Всегда улыбается, девчонкам платье шьёт, даром под иконой лечит, а бабка Зиновеевна для себя крестится!

— Много вы понимаете, — нахмурилась мать, — за собой бы больше замечали.

— Все ребята к ней забегают, всех за стол садит, шей горячих наливает, а мясо так крошит, чтобы каждому маленький кусочек достался...

— Да, — согласилась Марьяна, — у меня мама добрая.

— А к нам ребята боятся заходить, — приободрились те, — чтобы на половики не наследить, а всё из-за бабки!.. Они нас свистом на улицу вызывают... А бабка их с заборов сгоняет хворостинной, а они ещё пуще свистят...

— Хватит! — не выдержала мать. — Сами-то озорники... Обе бабушки хороши... одинаковых людей на свете нету, вот и вы у меня все разные...

Мальчишки пошли, размышляя над словами матери, которая отправилась на берег Иркуты полоскать бельё. За островом, на другом берегу реки виднелись замшевые крутобокие горы с нежными ложбинами, где среди березняка паслись алые кудрявые саранки.

«Ваня любил эти горы... — запечалилась Марьяна, — любил речку...» Иван говорил, что Иркут вроде с монгольского или бурятского переводится — «круть-верть»... То обмелеет так, что каменные рёбра наружу торчат, и на каменистом дне люди загорают, жгут костры, а то вдруг прибудет, да так, что наводнением прибрежные избы сносит. Так и жизнь человека: то заполонит счастьем, то до суха обездолит...

Думала Марьяна, вспоминала, потом взяла ребячьи штаны, опустила в речку; студёная вода обжигала, а ей всё нипочём: в самый лютый мороз обходилась без рукавиц.

— Тётя Марьяша, здравствуйте! — услышала девчоночий голосок.

— А, Лена, здравствуй, моя хорошая! Вишь, одни штаны стираю... хоть бы одну юбочку! — Марьяна вытерла руки и села рядом с племянницей.

— Ну что, как там моя сеструха Нюра?.. Замоталась?.. Вас девятеро да ферма — труднёхонько без бабки.

— Я же ей помогаю.

— Да-а, Нюре с тобой подфартило...

— Знаете, кого я сейчас вспомнила? Дядю Ваню! — взволнованно сообщила девочка.

— Ты его помни, он добрый был, удочерить тебя хотел... А чё вспомнила-то?

— А когда дядю Ваню схоронили, я на поминки не осталась, ушла домой, навелась и так спать захотелось. Заснула и дядя Ваня приснился, спрашивает: «Разве я тебя обидел, Лена, пошто не осталась помянуть?» А глаза такие добрые-добрые, хотя и грустные. Как я соскочу, да побегу к вам, думаю: а вдруг ещё раз увижу его живым, как во сне?..

— Помню, влетела, как угорелая... Да разве тогда до расспросов было!.. — Марьяна промокнула глаза концом серого фартука.

Лена осторожно встала.

— Ну, я пойду, а то мама теряет.

— Ты забегай почаще, родная, кажись, — поднялась и Марьяна.

...Летом Марьянины сыновья, как и вся ребятня, бегали по черёмуху: кто за деревню, кто на остров, а старики и в палисадах набирали. В иных краях бывает так, что цветёт черёмуха буйно, а ягод нет. В Баклашах на черёмуху всегда обильный урожай, всех осыпет через край. И дети любили сентябрьскую пору — гнуса почти нет, взрослых окриков тоже не слышать, кругом тишина, пахнущая поздними цветами и травами. Можно поваляться подле копёшек сена, обрывая заячьи ушки ромашек, потом снова брать черемуху. Домой возвращались с полными бидонами тёплой ягоды, вглядывались в лик закатного солнца. А зимой вспоминали сентябрь, когда уминали румяные пирожки с черемуховой мукой, что выплыли из русской печи прямо с пылу-жару.

А летом в сенокос Марьяниным ребятишкам некогда было прохладиться, помогали матери: старший Володя и средний Юрча, что учились в начальной школе, запрягали коня и возили копны сена от темна до темна, попутно присматривали за младшим братом Олегом.

— Мужички вы мои, — вздыхала Марьяна, утирая пот с лица, — вы хоть сменяйте друг дружку! На речку, небось, охота сгонять?.. Так вы уж попеременке возите...

В одну из таких переменок Юрка решил осуществить давнее желание: натужно кряхтя, выкатил отцов мотоцикл из амбара и, обливаясь потом, кое-как докатил до лужайки огородом. Дрожа от нетерпения, всё-таки завёл и, замерев от восторга, покатился... Но вскоре восторг сменился страхом: он не знал, как остановить мотоцикл, к сему, о ужас, до него донеслись раскатистые угрозы бабки Зиновеевны, что возвращалась из сельмага. Юрка мельком обернулся на её высокую сухопарую фигуру и свалился вместе с мотоциклом. Пока выкарабкивался из-под него, подоспела Зиновеевна.

— А, попался! — схватила за ухо. — Ну, теперь держись, макаровское отродье, пакось черномазая! Всё матери расскажу!

Вскоре, помянув мотоцикл, выговаривала невестке, усталой после маятного дня.

— Что делать с Юркой будем, не слушается совсем?! Вот те двое — дети как дети: ласковые, послушные, а с этим волчонком никакого сладу нет!

— Это Олег-то послушный?! — возмущённо выкрикнул Юрка из своего угла.

— Он ишо карапуз, — слегка запнувшись, ответила бабка.

— Любимчик он, а не карапуз!

— Во как, видела? — Зиновеевна снова повернулась к Марьяне.

— Ну, я задам ему, мама, задам... Не ушибся хоть?..

Зиновеевна и впрямь недолюбливала среднего. С её лёгкой руки белобрысые братовья стали дразнить чёрного среднего — цыганом. Тот ничего ещё не знал о цыганах, а потому налетал на обидчиков с кулаками. Как-то прыгнул в подпол, чтобы скрыть слёзы. Раззадорившиеся братцы свесили и туда свои щекастые головы, не переставая дразниться. Тогда Юра не своим голосом завопил: «Застрелю!». Старший, зная его психоватость, бросился вон, а тот и вправду схватился за ружьё и пальнул, брат едва успел скрыться за воротами. А тут и Зиновеевна на выстрел выбежала из огорода. Отодрав парнишку за уши, заперла в амбаре до прихода матери. Выслушав, мать побагровела от гнева, открыла амбар, откуда вылетел парнишка, и погналась за Юркой с прутом.

— Ты как смел, оголец, в брата из ружья стрелять?! А если б он не успел выскочить за ворота?! Ой, Ванечка, что мне с ними делать?!.. — схватилась за голову, потом снова пошла на среднего. — А голой задницей зачем в крапиву да колючки падаешь перед пацаньём?.. Хочешь героем стать?.. А матершинную песню тоже для геройства на телеге распевал?! Слышал бы отец!

Юрка невольно покраснел и отвёл глаза.

— Ты ж лётчиком вроде собирался стать? — вздохнула мать.

— А лётчики что, по-твоему, не герои?

— Не знаю я, что из тебя выйдет, — с сомнением покачала головой мать, — со школы пятёрки таскаешь, а дома, Зиновеевна сказывала, дурака валяешь: сколь раз мимо тебе не пройдёт, ты всё над одной страницей сидишь. А под учебником книжку прячешь, читаешь украдкой... Не стыдно обманывать? Володька хоть и не пятерошник, зато усидчивостью и терпением всего в жизни добьётся. А вот будет ли толк из тебя?.. — вздохнула мать и задумалась.

— Ты ещё не всё знаешь, — снова встряла бабка, — он ведь в мой сундук понавадилась лазить, конфеты воровать...

— Как так? — удивилась мать. — Сундук же у тебя вечно запертый, а ключ при тебе...

— А вчерась и захватила: он, пакось, какой-то железкой его отворял, втихомолку.

— Ты что, Юрча, сдурел? Или не знаешь, как это называется? — напустилась Марьяна.

— Знаю, — снова покраснел тот. — Но ты же сама говорила, что надо делиться, а она не делится!

— Потому что для вас же к празднику бережёт.

— Ага, а я видел, как она в будний день съела одну «подушечку» с чаем.

— Все старухи любят сладкое, — смутилась мать, — а подглядывать нехорошо. И пошто ты всегда отпираешься, выворачиваешься? Нет, чтоб извиниться.

— Вот-вот, — поддакнула бабка, — до чё вроднуций!

Но случалось, что Юрка радовал мать: сам надумал посадить в огороде смородину, а вёснами, зажмурившись, нюхал её распускающиеся листочки. В садике насадил яблони, у своей крёстной брал луковицы красных георгинов, выращивал чуть ли не с его голову. Марьяна с нежностью наблюдала, как заботливо сын ухаживал за своим садом. И, будучи наедине со свекровкой, сказала:

— Нет, мама, Юрка парнишка хороший. Ты бы с ним поласковой, ведь он один обличьем на Ванечку пошибат... А как любил его отец!.. Характерец, правда, не тот, ну, дак чё ж теперь...

Зиновеевны не стало, когда Юрке пошёл двенадцатый год, а вторая бабушка, Варвара Петровна, или Петрушка, как звала её ребятня, прожила до девяноста лет, не зная хвори.

— А всё одно, с бабой лучше было, — оплакивали Зиновеевну трое внуков, — пусть бы ругалась, лишь бы жила с нами!

Поплакала и Марьяна, потом повесила в светелке над комодом, рядом с портретом свёкра портрет свекрови.

IX

Как-то вернулась с работы Марьяна веселее обычного.

— Ну, ребятки, — объявила она с порога, — посылают вашу мать на слёт передовых животноводов, в Иркутск! Что деется, аж на доску почёта зафотографировали!

Мальчишки с гордостью переглянулись. Вернулась мать, полная впечатлений. Набежали сёстры, соседи, порасспросить о том, о сём.

Марьяна, выгрузив гостинцы, усадила всех за стол.

— Какую картину нам в Иркутске показывали, век не забуду!

— А как называтца-то?

— «Тихий Дон»... Это речка у казаков такая. Вот где любовь, аж дух захватывают!

— Ишь чё... — качали соседи головами.

— Ну, а на слёте-то об чём говорили, уразумела? — хитро щурились бабы.

— Да ить не всё и поймёшь, — смутилась хозяйка. — Ой, куды деватца? — вдруг соскочила с места, глянув в окно. — Никак сваты явились! Знать, не шутил...

Все сбились у окна. Взяв себя в руки, Марьяна вышла в ограду навстречу гостям.

— Что в дом не зовёшь, хозяйюшка? — спросили те. — Да спрячь ты этого петуха чеканутого: налетает, клюёт, кукаречет, как оглашенный! Вместо пса его, что ль, держишь?

— Ага, он у нас такой, соседи знают, дак с прутом заходят. А в дом не зову, потому как чую, с чем вы пожаловали — перед детьми совестно. Столько холостячек после войны осталось, а вы ко мне...

Гости опустили на лавку у поленицы.

— Слава о тебе добрая. Баба ты ещё справная, работница, надо бы тебе в другой раз замуж идтить.

— Пустой это разговор, — нахмурилась Марьяна.

— Опять же, ежели посмотреть с другого боку, нет у тебя подмоги больше.

Ребятишки малы, Зиновеевна преставилась, Царство Небесное! Во-от... Так что, решай, тяжело тебе одной сынов поднимать, а Ляксандр — мужик работающий, из себя приглядный...

— После тридцати сватам отказывала, а после сорока замуж выскочу?! Тоже мне, нашли «невесту»! Вон Вадимка на днях женился на Лене Михиной, в Троицу свадьбу играли: во дворе берёзок наставили вокруг стола... Так славно!.. Вот таким жениться впору... — грустно ответила Марьяна.

— Да ты раньше свекровь боялась, вот и отказывала сватам.

— Замуж мне идти она, верно, не велела, — усмехнулась та. — Да только я не из робких. Или не помните, как девкой от отца сбежала? Что же я, взрослая баба, старухи забоюсь? Просто, никто не заменит отца моим детям, а мне — мужа. Неужто не понятно?..

Марьяна уткнулась лбом в поленницу и неожиданно расплакалась.

— Нечего бередить душу, так и передайте: что лучше мово Ивана нету, а хуже не надо...

Понуро двинулись сваты к воротам.

— Ты не сердчай на нас, Марьянушка, хотели как лучше...

— Ага, — отозвалась Марьяна, успокаиваясь, — вы тоже извиняйте.

Медленно поднялась на крыльцо, опутив глаза под взглядами притихших женщин.

— А что, Марьяна, — спросила одна из них, чтобы отвлечь её, — с гармошкой-то Ивановой твои ребята не могут сладить?

— Талану не хватат, так на чердаке и пылится.

— Так продай, — посоветовали ей.

— Пушай лежит. На память...

Послесловие

Выросли Марьянины сыновья. Старший, Володя, стал полковником морской авиации. Женившись, поселился с женой и дочкой на юге. Матери аккуратно присылал короткие письма, неделю из отпуска проводил у неё, уведомив телеграммой. Из такси выходил высокий и представительный.

Средний, Юрча, закончил лётное училище, но получил сильное сотрясение мозга, после чего медкомиссия запретила ему летать. Он запил, одно время совсем спился, и жизнь его пошла наперекосяк. Колесил с места на место. Дважды проходил по конкурсу в институты и оба раза бросал учёбу. Писем домой не писал, заявлялся неожиданно: ночью, пешком, стукнув в окошко. А днём, с парнями, частенько на берегу выплясывал «ассу» — голыми ступнями по торчащим осколкам только что выпитой и разбитой бутылки, не чувствуя боли, не пролив ни капли крови — на спор. Плакала по нему Марьяна, но чем дальше, тем крепче и любила, — кавказским обличем напоминал ей отца, далёкие предки которого были пришлыми казаками с Терека.

Младший, Олег, работал шофёром, жил с матерью в одном доме. Женился и на свет появилась отрада Марьяне на старости лет — светлый веснушчатый крепыш, курносый внучонок Ванька, названный в честь своего молодого деда.

Что же касается самой Марьяны, то она осталась подвижной и работающей, скорой на шутку, не завистливой на чужую радость и отзывчивой на чужую боль. Преодолевая горести, оглядываясь назад, ни о чём не жалела. Две ещё живые сестры ушли на пенсию, и частенько в их избах затевалось пьяное драчливое застолье, что сменялось тяжким похмельем. Но Марьяна не судила сестер, как не судила никого. Она не могла прожить без них и полдня: сёстры постоянно бегали друг к другу, ночуя там, где застанет их ночь.

Марьяна быстро хмелела в сестринских застольях, но, в отличие от сестёр, её клонило в слёзы и сон. Как-то под вечер выбралась она из-за душного стола и побрела на берег Иркута, не замечая, что гребёнка в седых поредевших волосах съехала набок, а платок сполз на плечи. Марьяна брела по росистой траве и, как всегда после вина, тихо плакала. Потом старая женщина свернулась калачиком на краю бережка и заснула. Марьяне снилось, что ей семнадцать, а рядом по берегу идёт восемнадцатилетний Иван, держа её за руку. И сладкой болью в её сердце отзывались их юные голоса: «Марьяшечка, если б тебе дали три жизни и самой предложили каждый раз друга выбирать...» «То я бы выбрала только тебя...».